

О. С. Поршнева
Россия, Екатеринбург

Союзники глазами русского общества в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917)

Образ союзника формировался в общественном сознании России на рубеже XIX–XX вв. в условиях обострения международных отношений, когда складывались коалиции противоборствующих государств, происходила национальная консолидация, более четко определялись как национальное «я», так и дружественный и враждебный «другой». Внешнеполитические стереотипы накануне и в годы мировой войны играли значимую роль в структурировании образов союзников, активно вытесняя в связи с политизацией массового сознания этнические стереотипы.

Специфика периода Первой мировой войны заключается в том, что образ союзника формировался в условиях не только военного, но и особого типа идейно-психологического противоборства, обозначившегося в связи с зарождением феномена «тотальной войны». Практики национальной мобилизации во всех европейских странах предполагали мобилизацию национального сознания, «духа» наций. Это оказывало влияние на формирование рациональных и символических систем представлений, элитарных и «народных» типов дискурса, конструирование образов врагов и союзников.

Основными союзниками России, входившей в годы Первой мировой войны в состав Антанты, были Англия и Франция. США присоединились к Антанте позже, в апреле 1917 г., когда Россия воевала уже последние месяцы на излете своих сил. Другие союзники по Антанте – Италия, Румыния и др. – играли в ней меньшую роль и присоединились к блоку уже в ходе войны, были менее известны российскому населению, из-за

чего в его сознании не сложилось в период мировой войны их целостного и отчетливого образа. В связи с этим главными объектами формирующегося образа союзника в России в рассматриваемый период стали две страны – Франция и Англия.

Первая мировая война знаменовала вступление отношений между союзниками по Тройственному согласию в новую фазу, которая была окончательно оформлена договором стран Антанты от 5 сентября 1914 г. об объединении военных усилий против Германии и незаключении сепаратного мира с противником. Представления о союзниках в России с тех пор стали «вписываться» в новую «сетку» восприятия событий, заданную войной. Важными ее координатами были идеи об оборонительном, справедливом характере войны, направленной на отражение внешней агрессии. Помимо этой общей трактовки, насаждаемой официальной пропагандой и воспринимаемой значительными слоями общества во всех странах, в державах Тройственного согласия существовало особое обоснование войны. Объявлялось, что она ведется ради защиты идеалов свободы и демократии, за освобождение угнетенных народов Европы, против германского милитаризма, экспансионизма, гегемонизма, «тевтонского варварства», угрожающего европейской цивилизации. В России, помимо этого, особую роль играли идеи братской солидарности с Сербией, лозунги верности союзникам в отражении германской агрессии, защиты чести, достоинства, территориальной целостности России и ее положения среди великих держав¹.

Свидетельством осведомленности еще накануне войны достаточно широких городских слоев населения о противниках и союзниках России в предстоящей борьбе были стихийные патриотические демонстрации в дни июльского кризиса, отмеченные просоюзническими лозунгами. Они прошли 17 (30) июля 1914 г. в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Ялте, Саратове, Новой Ладогe, Тихвине, Тифлисе и других городах².

Реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества и господствующие интерпрета-

¹ См.: *Jelavich P. German Culture in the Great War // European Culture in the Great War. Cambridge, 1999. P. 32–34; Modris E. Rites of Spring : The Great War and the Birth of the Modern Age. L. [et al.], 1989. P. 92; Marquis A. G. Words as Weapons : Propaganda in Britain and Germany During the First World War // J. of Contemporary History. 1978. Vol. 13, N 3. P. 488–490; Царские слова к русскому народу : Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. С. 1.*

² См.: Московские ведомости. 1914. 18 (31) июля. № 166; Зауральский край. 1914. 19, 20 июля.

ции внешнеполитических событий способствовали формированию образов Англии и Франции как благородных союзников России в общей справедливой борьбе, а Бельгии – как маленькой, героической страны, оказавшей беспрецедентное сопротивление жестокому агрессору. В популярной брошюре «Россия борется за правду», вышедшей в 1914 г. в издательстве И. Д. Сытина, говорилось: «Россия вместе с Францией, Англией, маленькой, но геройской Бельгией и единоверной Сербией борется против необузданной алчности Германии и Австрии, вечно стремящихся к порабощению всего мира, к угнетению всего остального человечества, не принадлежащего к немецким племенам»³. В другом популярном сборнике, предназначенном для школьных и народных библиотек, подчеркивалась роль союзников России в защите общечеловеческих прав и свобод, завоеваний культуры, на которые посягнула Германия: «Франция и Англия подняли оружие в защиту прав человека, гражданина и народов, попранных Германией, они обнажили меч за самую культуру, над которой надругалась и которую принесла в жертву животному национализму Германия»⁴.

Широкое распространение получили представления о победе союзников как условии установления после войны «вечного мира», нового мирового порядка, основанного на «силе права» в противовес «праву силы». Этот новый порядок, основанный на принципах мирного сотрудничества народов, сделал бы, как утверждалось, невозможными войны в будущем⁵. Условием его установления должно было стать искоренение германского милитаризма, начатое мировой войной. «Никогда не делалось более сильного скачка в направлении к вечному миру, как именно этой войной, с ее окончанием начнется новая история международных отношений» – утверждалось, например, в печатном органе уральских кадетов газете «Зауральский край»⁶.

³ Россия борется за правду. М., 1914. С. 4.

⁴ Великая война России за свободу и объединение славян : сб. статей для школьных и народных библиотек / под ред. Д. И. Тихомирова. М., 1914. С. 133.

⁵ См.: Вестник Европы. 1914. № 8. С. 427; *Лященко П. И.* Экономические причины и условия современной войны : публичная лекция, прочитанная 16 ноября 1914 г. в пользу Томского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам. Томск, 1915. С. 19–21; Россия борется за правду. С. 32; Петроградские ведомости. 1914. 7 (20) сент. № 202; Зауральский край. 1915. 27 марта; Оренбургская газета. 1914. 9 окт.; Уральская жизнь. 1914. 27 июля, 20 авг.; 1915. 18 марта; Оренбургская жизнь. 1914. 21 окт.; Пермская жизнь. 1915. 29 нояб.

⁶ Зауральский край. 1915. 27 марта.

Вступившие в силу с началом войны цензурные ограничения⁷, доминирующие в обществе эмоции и идеи, работа средств массовой информации – все это способствовало закреплению не только позитивных образов, но и их символических репрезентаций. В дневнике К. Чуковского содержатся ретроспективные свидетельства этому. Так, в записи от 21 апреля 1923 г. говорится: «...Оттуда к Форш: чудесный вечер, был Ст. П. Яремич, М. Слонимский, Пяст. Пяст читал свои стихи о мировой войне, написанные в 1915 г. “Грозою дышащий июль”, – в них он с той наивностью, которая была присуща нам всем и от которой ничего не осталось, прославляет “святую” Бельгию, “благородную” Францию, проклинает Вильгельма и т. д. Стихи местами очень хороши. Как будто читаешь в стихах старые “Биржевые ведомости”»⁸. К. Паустовский вспоминал: «В то лето (1914 г. – *О. П.*) все восхищались Бельгией – маленькой страной, принявшей первый удар немецких армий. Всюду пели песню о защитниках осажденного Льежа»⁹.

Образы союзников, осмысление целей союзнической борьбы, место России в союзнической коалиции – все это вписывалось в систему исторических представлений, находило исторические аналогии. Наиболее распространенной аналогией «Великой войны», «Второй Отечественной», как называли Первую мировую современники, и среди интеллигенции, и в более широких слоях населения была Отечественная война 1812 г. Неудивительно поэтому, что антигерманская коалиция по своему значению и целям ассоциировалась с антинаполеоновской, а России в ней отводилась особая историческая роль и высокая освободительная миссия, сродни той, которую она сыграла в 1812–1815 гг. В «Альбоме героев войны» констатировалось: «Три сильных державы – Франция, Россия и Англия, силою вещей сблизились с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале 20 века повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад. Тогда Европа соединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма. Как и тогда, так и теперь душой коалиции является Англия. Как и тогда, гордый брит объявляет, что будет бороться до самого конца, сколько бы это ему ни стоило и сколько бы времени война ни тянулась»¹⁰. Как и тогда, говорилось далее, главная тяжесть борьбы союзных держав падает на Россию. Как и тогда, Россия

⁷ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 26.

⁸ Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М., 1997. С. 242.

⁹ Паустовский К. Повесть о жизни // Собр. соч. : в 8 т. М., 1968. Т. 4. С. 281.

¹⁰ Альбом героев войны. 1914. № 1. С. 5.

не только защищает свое дело. Она защищает вольность, честь и мир Европы¹¹.

В обстановке духовного подъема начала войны публицисты выступали за решительный отказ от негативных стереотипов в отношении союзников. С. И. Рапопорт предпринял критику клише «английский империализм» и разъяснял характер отношений Англии и ее колоний как основанных на автономном управлении и взаимной заинтересованности сторон¹². Леонид Андреев в своих статьях-очерках «В сей грозный час», написанных в 1914 г., показывал влияние «настроения 1914 года» на внутреннее преобразование как русских людей, так и союзных народов, изживание отрицательных черт их национального склада. «Энтузиазм – вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы. Где пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю?»¹³. Своими характеристиками автор косвенно свидетельствует о существовании в сознании общества вполне определенных негативных этностереотипов в отношении «холодных» англичан и «скаредных» и «осторожных» французов-«мещан». Их актуализация или трансформация в позитивные образы зависела от политической конъюнктуры, реального развития событий. Подтверждением этому служит то настороженное, напряженное ожидание вступления Великобритании в войну на стороне России, которое проявляли россияне, особенно жители столиц и крупных городов, в течение первых двух-трех дней войны. Причинами были недостаточная прочность союзнических отношений с Великобританией, сохранение некоторого недоверия к ней. Дж. Бьюкенен вспоминал: «В течение первых трех дней войны моя позиция была не из приятных. Беспокойные толпы собирались перед посольством, требуя известий из Лондона и в далеко не дружеском тоне справлялись, может ли Россия рассчитывать на нашу поддержку»¹⁴. Иное отношение было к Франции, с которой имелись прочные договоренности и в верности которой в России не сомневались.

¹¹ Там же.

¹² См.: Рапопорт С. И. Англия и ее колонии // Русская мысль. 1914. Кн. 10. С. 113–114.

¹³ Андреев Л. Н. В сей грозный час : статьи. Пг., 1914. С. 66.

¹⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., [б. г.] С. 134.

Несмотря на усилия официальной пропаганды, даже в условиях «духовной эйфории» начала войны, переживания историчности и сакрального значения событий, не было единства ни в среде интеллигенции, ни в политической и военной элите в оценках целей войны, роли России в Антанте, отношений с союзниками¹⁵. В сознании российского общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З. Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли раздирающей, в эти всем тяжкие дни, самую душу России. Не знают, и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут». И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан, но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)»¹⁶.

По мере развития военных действий в 1914–1915 гг. все больше выявлялись противоречия между союзниками. Несмотря на общность целей, согласованность коалиционной стратегии Антанты, существовали расхождения в вопросах военного планирования, отражавшие противоречивые интересы отдельных стран Согласия. Союзники настаивали на ускорении русского наступления в Восточной Пруссии для предотвращения взятия немцами Парижа, хотя русские войска еще не были полностью укомплектованы и развернуты и возможностей для успешного наступления не было. Этот трагический для русской армии эпизод надолго остался в национальной памяти¹⁷. В русском общественном мнении после катастрофы в Восточной Пруссии возникло представление о жертве, принесенной Россией для спасения Франции. Недовольство Францией стало распространяться не только в среде крайне правых сил, традиционно настроенных против союза с Третьей республикой, но и в более широких кругах русской общественности. В декабре 1914 г. посол Франции М. Палеолог записал в дневнике: «До меня доходит с разных сторон, что в интеллигентской и либеральной среде высказываются по отношению к Франции с таким же недоброжелательством, как и несправедливостью...

¹⁵ Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 125–126; Суханов Н. Н. Наши левые группы и война. Пг., 1915; Гиппиус З. Синяя книга // Петербургские дневники, 1914–1919. Нью-Йорк; М., 1990. С. 22–24; Ананьич Б. В., Галинелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 386–389.

¹⁶ Гиппиус З. Н. Синяя книга. С. 27, 33.

¹⁷ См.: Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. М., 2006. Вып. 6. С. 321.

Теперь к неудовольствиям по поводу финансовых займов присоединяют глупое обвинение: это Франция вовлекла Россию в войну, чтобы заставить вернуть себе Эльзас и Лотарингию ценою русской крови»¹⁸.

Антисоюзнические настроения на фронте и в тылу стали проявляться в конце 1914 г. не только в связи с катастрофой в Восточной Пруссии, но и в связи с общим затягиванием войны и началом кризиса военно-технического снабжения. Активизировались правые силы, все противники проанглийской ориентации. В октябре – ноябре 1914 г. С. Ю. Витте выступил с критикой позиции Англии в войне, что было продолжением его борьбы против англо-русского сближения¹⁹. Дж. Бьюкенен выступил по этому поводу в Английском клубе накануне Нового года. В своей речи против «мирной кампании Витте» он изложил обвинения, выдвигаемые правыми в России против Англии: «Некоторые известные германофилы обвиняют нас в том, что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести весь ужас ее. Эти господа постоянно спрашивают нас: “Где ваш флот? Что делает ваша армия?”»²⁰.

Дальнейшая эволюция образов союзников зависела от развертывания военных действий, степени их успешности для страны и блока Антанты в целом, от осуществления идей союзнической солидарности и взаимопомощи. В ходе массированного немецкого наступления на Восточном фронте летом 1915 г. русская армия, страдавшая от нехватки вооружения и боеприпасов, остро нуждалась в помощи союзников. Эти ожидания вылились в слухи о близкой помощи союзников, ходившие на фронте. По свидетельству генерала Н. Н. Головина, «армия напряженно ожидала какого-то события, которое бы повернуло развитие военных действий в пользу России и ее союзников. Одним из слухов, распространявшихся на фронте летом 1915 г., был такой: в Россию перебрасывают японскую армию, что приведет к скорому окончанию войны. При этом многие, якобы, уже видели японцев в тылу»²¹. Требования оказания союзниками более деятельной помощи выдвигали представители правомонархических сил. Так, товарищ председателя тамбовского Союза русских людей А. Н. Григорьев предлагал Совещению уполномоченных монархических организаций в августе 1915 г.: «Ввиду того, что вся тяжесть войны в настоящее

¹⁸ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 138.

¹⁹ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 387.

²⁰ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 138.

²¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. Париж, 1939. Т. 2. С. 142.

время легла на Россию, просить Англию вновь формируемые ею армии посылать на русский фронт через Архангельск, а также привлечь и японцев к участию в сражениях на нашем фронте»²².

Надеждам на быструю и эффективную помощь союзников не суждено было сбыться. Поражение русской армии весной – летом 1915 г. – «великое отступление» – было беспрецедентным по своим масштабам. Трагедия отступления, сопровождавшегося тяжелыми потерями, эхом отозвалась в стране, обусловив изменение общественных настроений, дав импульс развитию кризиса доверия по отношению к своему и союзным правительствам. Поражения 1915 г. стали объяснять, в частности, бездействием союзников. Особенно большое возмущение вызывала Англия. Если на территории Франции так же, как и России, велись боевые действия и ее гражданское население страдало от «германских зверств», то Англия «отсиживалась за проливом»²³.

С осени 1915 г., как свидетельствует Н. Н. Головин, «прежняя жертвенная готовность по отношению к союзникам сменяется в русской армии чувством горькой обиды и разочарования»²⁴. Недовольство союзниками проявлялось на всех уровнях военной иерархии, в том числе в Ставке. 18 июля 1915 г. в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» была опубликована статья, в которой союзники резко критиковались за бездеятельность в то время, когда русской армии приходилось выдерживать главный удар противника. В ней также говорилось о разногласиях и спорах между союзниками по поводу средств достижения общей цели, о распределении плодов будущей победы, в частности о Константинополе и проливах. Утверждалось, что невозможно опровергнуть публикации немецкой печати о том, что Англия и Франция преследуют свои особые интересы в Дарданеллах и на Босфоре, «предоставив одной России справляться с нападением соединенных неприятельских армий»²⁵. По сведениям английского военного представителя при Ставке генерала Вильямса статья была написана в Ставке и послана в Петроград для сооб-

²² «Борьба наша проиграна» : Документы правых. 1914 – февраль 1917 г. // Ист. архив. 1994. № 5. С. 44.

²³ *Сенявская Е. С.* От временных союзов к военно-политическому противостоянию... С. 324.

²⁴ *Головин Н. Н.* Военные усилия России... Т. 2. С. 159.

²⁵ Биржевые ведомости. 1915. 18 (31) июля (утренний выпуск).

щения главным органам печати, однако Генштаб в Петрограде решился разместить ее только в одной газете²⁶.

Большую роль в распространении критических настроений по отношению к союзникам в армии и обществе, взаимного непонимания сыграло то обстоятельство, что Англия и Франция, наращивая свою военнотехническую мощь, не спешили поделиться вооружением и военными материалами с Россией, наиболее остро в них нуждавшейся. Английский представитель на Восточном фронте в донесении Ллойд Джорджу как министру военного снаряжения писал 29 августа 1915 г.: «Офицеры не могут понять, почему Англия с ее высокоразвитой промышленностью не может помочь России в военном снаряжении. Меня спрашивают, почему мы не посылаем им снарядов и ружей. Когда я пытаюсь объяснить, что нам не хватает для собственных потребностей, мне просто не верят и продолжают доказывать, что помочь России было бы в наших собственных интересах, так как они будут сражаться, если мы предоставим им снаряжение»²⁷. Действительно, английская фирма Викерса, взявшая по поручению правительства на себя обязательства по доставке в Россию военного снаряжения начиная с декабря 1914 г., не выполнила своих обязательств. Английский профессор Бернард Пэрс, посетивший в 1915 г. Россию в качестве официального корреспондента при русской армии, писал в своем отчете о роли этого фактора в изменении отношения русских к союзникам: «Все русские объясняют именно этим (невыполнением обязательств по доставке снаряжения. – *О. П.*) свои огромные потери в недавних боях... Это общее чувство обиды и возмущения не может не нанести удара тому доверию, которое до сих пор Россия питала к ее западным союзникам»²⁸.

Кризис доверия к союзникам развивался постепенно, неравномерно, охватывал далеко не все социальные слои и группы русского общества. Несмотря на то что «великое отступление» больно ударило по патристическим чувствам людей, оно вызвало прежде всего стремление изменить к лучшему ситуацию на фронте и в тылу. В деле мобилизации союзники должны были оказать России помощь, поставляя вооружение и боевые материалы, предоставляя займы, совместно с Россией отражая натиск

²⁶ *Емец В. А.* Черки внешней политики России в период Первой мировой войны : Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 190–191.

²⁷ *Ллойд Дж. Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. 1–2. С. 316.

²⁸ *Ллойд Дж. Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. 3. С. 382.

сильного врага. Проникнутая патриотическими настроениями часть русского общества, либеральная оппозиция по-прежнему, несмотря на обиды и разочарования многих, сохраняла приверженность идее укрепления Антанты. Это было обусловлено и наличием общесоюзнических целей, и надеждами на реализацию национальных интересов России по окончании войны, на ее заслуженное участие в дележе «плодов победы», осуществлении планов послевоенного мироустройства. Часть интеллигенции, политических деятелей по-прежнему были убежденными сторонниками союзных «демократий», противостоящих угрозе германского милитаризма. Это находило, в частности, отражение в прессе, которая не только формировала, но и транслировала стереотипы общественных представлений, ожидания, убеждения и предрассудки, господствовавшие в определенных социальных и политических слоях. Анализируя разные аспекты межсоюзнических отношений, рисуя образ союзных стран и народов, органы печати выявляли проблемы сотрудничества и предлагали пути их решения.

Тема достоинств национального характера, общего и различий в национальном психическом складе союзников была одной из значимых в военном дискурсе, позволяла лучше понять соратников по коалиции, осознать возможности совместной борьбы. Б. Савинков, писавший под псевдонимом «Ропшин», говорит о довоенных предубеждениях у многих русских в отношении французов, мифе об их «легкости» и «мещанстве»²⁹. Однако, пишет он, «в один год “легкомысленные мещане” превратились в закаленных бойцов»³⁰. В прессе не только с симпатией характеризовались черты союзных народов, но и показывалась разница между ними. В одной из публикаций «Нового времени» описывалась организация окопной жизни англичанами и французами и кардинальное отличие между ними в проведении досуга. «Жизнерадостные французы не забыли также и о развлечениях... устраиваются импровизированные театры и кабаре. Солдаты-художники рисуют декорации, солдаты-актеры выступают на эстраде. По фронту раскинуто свыше сотни подобных театриков. На участках фронта, занятых английскими войсками, спортивные развлечения вытесняют сценическое искусство. Футбол, крокет и даже поло – вот развлечения английского солдата в минуты отдыха»³¹. Статьи дополнялись фотографиями, иллюстрирующими окопную жизнь

²⁹ См.: *Ропшин В.* Во Франции во время войны. М., 1918. Ч. 2. С. 5–6.

³⁰ Там же. С. 5.

³¹ Новое время. 1916. 2 (15) июля. С. 12.

союзников. Психологическому сближению союзников должны были содействовать фотоснимки, демонстрировавшие общую любовь к «четвероногим друзьям», изображавшие воинов русской и союзных армий с их любимцами. В одном из газетных материалов русские воины в минуту отдыха были запечатлены с медведем, англичанин – с газелью, австралиец – с кенгуру³². Подборка снимков отражает и распространенные в России этнические авто- и гетеростереотипы.

Достоинством читающей публики были и более глубокие размышления по поводу различий психического склада россиян и их союзников. Так, И. Бунин, писавший на эту тему в связи с войной, отмечал, в частности, что «глубокие почвенные начала национальной психологии резко противостоят практическому, трезвому, строительному укладу западного человека, дельца, устроителя “дома”, устойчивого и крепкого внешнего благополучия»³³.

В 1915–1916 гг. русская творческая интеллигенция достаточно свободно выражала представления о союзниках, войне в рамках широкого спектра воззрений. В 1916 г. в статье М. Волошина, проведенного два военных года во Франции, отмечались различия в отношении к войне и ее оценках во Франции и России. Автор полагал, что они определяются иным характером борьбы на Западе (мы сказали бы сегодня – тотальным), где вопрос стоит о жизни и смерти народов, существовании государств, в то время как в России, при ее географическом размахе, по его мнению, война не грозит государственному существованию³⁴. Уверенность в несокрушимости России, веками формировавшаяся и влиявшая на русский характер, по мнению другого наблюдателя, Б. Савинкова, определяла психологические отличия русских от их союзников в мировой войне: «В русском человеке меньше ненависти и больше любви, чем в англичанине, французе или бельгийце. И не оттого ли это, что русский человек в глубине души уверен в своей несокрушимой силе, в том, что “где же немцу нас победить, если мы всей Россией встанем”?»³⁵ В то же время Б. Савинков в 1917 г. уже с тревогой отмечал недостаточность мотивации для ведения Россией длительной войны, ее внутреннюю сла-

³² См.: Там же. 19 нояб. (2 дек.).

³³ Новая жизнь. 1917. Янв. С. 73–74.

³⁴ См.: Волошин М. А. Франция и война // Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 181.

³⁵ Ропшин В. Во Франции во время войны. Сент. 1914 – июнь 1915. М., 1918. Ч. 1. С. 29.

бость: «Не в немцах опасность. Опасность в том, станет ли, захочет ли и сможет ли встать вся, до последнего человека, Россия?»³⁶.

Для Франции, как показывает М. Волошин, была характерна высочайшая степень напряжения всех сил нации: «На Западе, а во Франции особенно, напряжены все мускулы, весь волевой организм доведен до высочайшего напряжения, в котором утасует всякое умозрение, всякая отвлеченная мысль»³⁷. Впечатление о едином порыве и высочайшем напряжении сил французов вынес из этой страны и Б. Савинков, свидетельствовавший: «Люди роют траншеи, прячутся в глубокие ямы, стреляют, слушают грохот пушек, не едят, спят на мокрой земле, снова стреляют и потом, по команде, собираются в неразрываемые ряды, и идут пешком двое суток. И так делают не только рабочие и крестьяне, но и лавочники, адвокаты, купцы, все те богатые “буржуа”, которые не привыкли к лишениям. Что это? Послушание? Военная дисциплина? Или любовь к родине, бескорыстная готовность положить свою жизнь? Я уверен, что не только первое, но и второе»³⁸.

М. Волошин в своих письмах из Франции засвидетельствовал участие в «поголовной мобилизации» всех без исключения классов населения³⁹. Различия в степени мобилизации и отношении к войне в двух странах определили, отмечает М. Волошин, возможность многообразия суждений в России в сравнении с более «однородным» взглядом во Франции: «...русское общественное мнение гораздо более терпимо к индивидуальным и парадоксальным взглядам на войну; мы имеем право не желать поголовного истребления всей германской расы; русская военная цензура гораздо более милостива, чем французская, которая не только ограничивает, но и устанавливает тон и меру того, как следует мыслить»⁴⁰. Эту же черту подметил во Франции Б. Савинков: «Возьмите газеты. Они полны рассказами о трусости немцев, об их жестокости, о Реймском соборе, о немецких шпионах, о кайзере, о том, что двое французов взяли в плен полтораста улан. ...И сколько раз я слышал в Париже: “ложь есть конь во спасение... Умная ложь возвышает воинский дух”»⁴¹.

³⁶ Ротшин В. Во Франции во время войны. Ч. 1. С. 29.

³⁷ Волошин М. А. Франция и война. С. 181.

³⁸ Ротшин В. Во Франции во время войны. Ч. 1. С. 29.

³⁹ Волошин М. А. Франция и война. С. 182–185.

⁴⁰ Там же. С. 181.

⁴¹ Ротшин В. Во Франции во время войны. Ч. 1. С. 38.

М. Волошин обращает внимание на колоссальные жертвы, которые принесла на алтарь войны Франция, и на неосведомленность о них в России, где об этом «не имеют даже приблизительного понятия»⁴², подчеркивает факт почти поголовной мобилизации французской творческой интеллигенции, лишившей в короткий срок страну ее культурной элиты⁴³.

Неосведомленность о жертвах, приносимых союзниками, стала причиной взаимного недоверия, характерного для всех участников антигерманской коалиции. Особенно это касалось отношения в России к Англии и Франции, так как русские, за небольшим исключением⁴⁴, не сражались плечом к плечу со своими союзниками. В письме сэра Малькольма в ноябре 1915 г., посетившего Россию по поручению Красного Креста, говорилось о русских: «Они просто не знают, что мы делаем, и, не зная, думают, что мы не предпринимаем ничего»⁴⁵. Недоверие, непонимание мотивов друг друга, односторонние трактовки причин побед и поражений, характеризующиеся преувеличением роли своей страны и недооценкой роли союзников, были общей чертой межсоюзнических отношений. Так, преобладавшее во Франции объяснение спасения Парижа и «чуда на Марне», игнорирующее факт русской помощи, отразил находившийся там М. Волошин, который писал: «Один из секретов Марнской победы в том, что Жоффри в течение трех дней израсходовал все артиллерийские запасы, заготовленные за много лет в предвидении Великой Европейской войны. После Марны французы оказались в таком же положении, как русские на Карпатах: у них не оставалось ни одного снаряда. Но немцы были разбиты. Жоффри этим гениальным шагом вывел войну из прежнего масштаба и дал ей размах, которого даже германские стратеги не предвидели»⁴⁶.

Серьезные проблемы, существовавшие внутри союзнической коалиции, обсуждались в кругах левой интеллигенции, что находило, в частности, отражение в легальной демократической печати. На ее страницах обсуждались империалистические «корни» войны, противоречия между союзниками, в том числе мотивы культурного превосходства в отношении союзников к России, социалистические и пацифистские движения в

⁴² Волошин М. А. Франция и война. С. 182–183.

⁴³ Волошин М. А. Литература 1915 года // Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 134.

⁴⁴ Имеется в виду отправка Русского экспедиционного корпуса во Францию в 1916 г.

⁴⁵ Цит. по: Ллойд Дж. Д. Военные мемуары. Т. 3. С. 381.

⁴⁶ Волошин М. А. Франция и война. С. 186.

союзных странах, реальное соотношение сил внутри Тройственного соглашения, формы экономической зависимости от союзников, политические последствия войны и т. д.⁴⁷

Противоречивые последствия тесного экономического взаимодействия с союзниками были предметом обсуждения в либеральной и консервативной прессе. В частности, дискутировалась проблема экспансии не только капитала, но и персонала, рабочей силы Англии и Франции в российскую экономику, что создавало угрозу усиления экономической зависимости от союзников, ущемляло интересы национальной буржуазии, российских рабочих. В кадетской газете «Речь», в статье «Печать об экономическом сближении с союзниками», давался обзор точек зрения по вопросу, в том числе критических. Цитировался, в частности, правый орган «День», в котором говорилось: «...необходимо, чтобы Россия не попала вместо немецкого капитала под власть какого-либо другого. Как говорил г. Крестовников в Государственном Совете, *Россия является для наших союзников лакомым кусочком* (курсив наш. – О. П.) и все, кто бы ни говорил о предстоящей конференции⁴⁸, опасаются, как бы на ней не были принесены в жертву интересы России»⁴⁹. Вступая в полемику с этой точкой зрения – как отмечалось, «весьма распространенной», – либеральная «Речь» высказывалась в пользу англо-французского капитала, так как, по ее мнению, «немецкий купец обозначает собой политическое воздействие в неизмеримо большей степени, чем французский или английский»⁵⁰.

Союзническая солидарность была в большой степени обусловлена представлениями о национальных интересах и задачах собственной страны, которые призвана решить война. Русское правительство, военные круги, предприниматели, часть интеллигенции, активных политических сил от националистов до кадетов выдвигали задачу утверждения России в Константинополе и черноморских проливах как отвечающую насущным национальным интересам. При этом осознавалось, что она не могла быть решена без поддержки Англии и Франции, вне союзнической коалиции. Не случайно своего пика распространение в русском обществе

⁴⁷ См., например: Дело. 1916. № 4. С. 61–62; № 5–6. С. 82; № 7–8. С. 94–95; Современник. 1915. № 10. С. 212–228, 287, 339.

⁴⁸ Имелась в виду ожидавшаяся конференция союзников по экономическому сотрудничеству.

⁴⁹ Речь. 1916. 3 (16) апр.

⁵⁰ Там же.

идей союзнической солидарности в борьбе до победы достигло в 1916 г., после того, как Англия признала притязания царского правительства на Константинополь и черноморские проливы. В мае 1916 г. в Лондоне, во время визита делегации Государственной думы и Государственного совета, английской стороной было впервые публично объявлено, что Англия признает наличие жизненных интересов России на берегах Босфора и не только не препятствует их осуществлению, но и готова этому содействовать⁵¹.

Союзническая солидарность стала лозунгом объединившейся в Прогрессивный блок оппозиции, которая критиковала правительство и царское окружение за недалекость, некомпетентность, «немецкие влияния». Вмешательство Г. Распутина в правительственные назначения, отказ императора от создания «министерства общественного доверия» и широкого привлечения общества к управлению страной, рост могущества «распутинского кружка», особенно после принятия Николаем II в сентябре 1915 г. обязанностей верховного главнокомандующего русской армией, рассматривались как победа правых, прогерманских «темных» сил – «внутреннего немца». Освобождение от их власти мыслилось оппозиционными деятелями как общесоюзническое дело. Особенно большие надежды в этом отношении возлагались на поддержку Англии – оплота либерализма, экономически наиболее мощного государства в стане противников Германии. Не случайно англофильство и оппозиционность царскому правительству стали в 1916 г. почти синонимами; особенно тесные контакты были характерны для представителей английской дипломатической миссии, его главы посла Дж. Бьюкенена и членов Государственной думы, большинство которых были настроены в пользу Антанты.

Одним из факторов усиления проанглийских настроений в русском обществе была позиция военного министра Великобритании Ллойд Джорджа, который в сентябре 1916 г. выступил с идеей «сокрушительного удара» по Германии и настаивал на эффективном сотрудничестве с Россией, поставках ей необходимого военного снаряжения даже в ущерб собственным интересам. На страницах популярного «Нового времени» периодически появлялись статьи, рисовавшие позитивные образы не только лорда Китченера и Ллойд Джорджа, но и премьер-министра Вели-

⁵¹ См.: Рудая Е. В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 гг. // Россия и Европа в XIX – XX вв. : Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 179.

кобритании Асквита, «заслужившего доверие своей решимостью и энергией, которые он проявил за последние два года небывалой войны»⁵², австралийского премьер-министра Юза, «благодаря энергии которого британская армия увидела в своих рядах многочисленные полчища уроженцев Австралии, храбро сражавшихся на Галлипольском полуострове, а в настоящее время – во Фландрии»⁵³. Высоко оценивалась деятельность Ллойд Джорджа не только по успешной мобилизации материальных и людских ресурсов, но и по эффективной организации социального партнерства рабочих и предпринимателей в условиях войны. С. Котляревский, в частности, отмечал, что призыв к сотрудничеству и самоограничению, «великим жертвам», адресованный Ллойд Джорджем английским рабочим, нашел поддержку, так как это не стало поводом для обогащения предпринимателей, «государство обладает здесь достаточными контрольными средствами»⁵⁴.

Апофеозом русско-английского сближения стало избрание в мае 1916 г. Дж. Бьюкенена почетным гражданином Москвы. На чрезвычайном заседании Московской думы Бьюкенену была вручена икона XIV в. с изображением св. Георгия Победоносца – покровителя и Москвы, и Англии. Кроме того, специальное кресло с выгравированным именем посла, отметил председатель Московской думы М. В. Челноков, «будет всегда в зале заседаний думы как постоянное напоминание о заслугах и добром согласии, существующем между нашими странами». В своей речи городской голова мотивировал присуждение послу высокого звания: «в знак наших симпатий к великому и доблестному британскому народу, а также горячего чувства дружбы и глубокого уважения к почетному гостю Москвы»⁵⁵.

Правительственные и общественные пропагандистские усилия были направлены на поддержание благоприятного образа союзников в условиях нарастания недовольства войной. В 1915–1916 гг. в журнальной и газетной периодике продолжалось разъяснение высокой миссии Антанты, «благородства» целей союзников. Объяснение целей войны становилось особенно насущным в связи с необходимостью оправдывать ее продолжение в ситуации распространения, особенно с 1916 г., представлений о бессмысленности кровопролития. Нередкими в столицах и провинции были публикации, в которых подчеркивалось «величие и благородство

⁵² Новое время. 1916. 8 (21) окт. С. 11.

⁵³ Там же. 24 сент. (7 окт.). С. 11.

⁵⁴ Русская мысль. 1916. Кн. 8. С. 6.

⁵⁵ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 161.

задач, преследуемых Россией и ее союзниками, несмотря на ужасающий характер затянувшегося кровопролития»⁵⁶.

Публикации в прессе отражали и недовольство, существовавшее в России с связи с затягиванием вступления США в войну на стороне Антанты. Нейтралитет США расценивался как фактическая их помощь Германии и смирение с ее агрессией. В карикатурах наиболее зримо воплощались стереотипы представлений, связанные с восприятием позиции США как угрожающей интересам Антанты, всего человечества и ее собственным⁵⁷. Не являлось секретом для русского общественного мнения финансовое обогащение США на военных поставках. Обсуждалось его влияние на внешнее и внутреннее положение страны⁵⁸.

С 1916 г., в условиях затягивания войны, роста численности ее жертв, развертывания продовольственного, транспортного, топливного, жилищного кризисов, она становилась все менее популярной среди широких слоев населения⁵⁹. Неудача Брусиловского прорыва, в результате которого русская армия была обескровлена⁶⁰, подорвала надежды на скорый перелом в ходе войны в пользу России и ее союзников, на окончание кровопролития. Переброска германских войск из-под Вердена и австрийских из Италии помогла остановить наступление русских войск. Русская армия спасла тем самым Италию от разгрома, в то время как союзники вновь не оказали России какой-либо существенной помощи.

Очередное разочарование в позиции союзников, развивавшийся в стране кризис доверия к правительству порождали сомнения в правильности внутривластного и внешнеполитического курса, в том числе в обоснованности межсоюзнических отношений. Это проявлялось как на фронте, так и в тылу. Многочисленные тяжелые потери русских на фронтах войны объяснялись нежеланием союзников учитывать интересы России. Эта трактовка находила все большее распространение среди высшего командования русской армией, ее генералитета⁶¹.

⁵⁶ Уральская жизнь. 1916. 10 апр.

⁵⁷ См.: Новое время. 1916. 7 (20) мая. С. 11; 21 мая (3 июня). С. 11; 4 (17) июня. С. 11.

⁵⁸ См.: Там же. 3 (16) сент. С. 11.

⁵⁹ См.: *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 103–116, 149–174, 191–214.

⁶⁰ См.: *Нелипович С. Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом–осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3.

⁶¹ См.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 36–37, 59.

Настроения недоверия к союзникам, прежде всего к Великобритании, в 1916 г. стали широко распространяться среди рядового состава армии. По словам генерала Н. Н. Головина, «в толще армии и глубинах народа широко ходила мысль, что будто война была нам ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию»⁶². Ему часто приходилось слышать начиная с зимы 1915–1916 гг. циркулировавшую среди солдат фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». «Мысль о том, что русский народ втянут в войну вопреки его интересам, – писал Н. Н. Головин, – особенно легко прививалась к темным народным массам, в которых доверие к правительству было в корне подорвано»⁶³. Источники, вышедшие из среды самих нижних чинов, подтверждают бытование стереотипов восприятия Англии как виновницы войны, действующей чужими руками, наживающейся на русской крови⁶⁴. Подсчитанная нами доля критических и негативных высказываний в адрес союзников в общем объеме смысловых единиц в письмах, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа, составила в 1915 г. 0,81 %, в январе – октябре 1916 г. – 1,62 %⁶⁵. Эти данные говорят о двукратном увеличении в 1916 г. доли критических высказываний в адрес союзников по сравнению с 1915 г., что является одним из свидетельств нарастания кризиса доверия по отношению к ним в армии и о его пике в январе – октябре 1916 г., после которого доля критических высказываний резко падает. При этом надо учитывать, что большая часть солдат не выражала в письмах, подлежащих цензуре, свои политические настроения.

В ситуации нарастания недовольства войной активизировались все противники Антанты, особенно крайне правые группировки, сущностной характеристикой воззрений которых была англофобия и в меньшей степени – галлофобия. 20 января 1916 г. при поддержке Г. Распутина на пост председателя Совета министров был назначен Б. В. Штюрмер, который с марта по июль 1916 г. одновременно был министром внутренних дел, а с июля по ноябрь – министром иностранных дел. Замена на посту министра иностранных дел последовательного сторонника Антанты

⁶² Головин Н. Н. Военные усилия России... Т. 2. С. 159–160.

⁶³ Там же. С. 160.

⁶⁴ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции : (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. С. 71–72.

⁶⁵ См.: Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России... С. 325, 328, 330.

С. Д. Сазонова «прогермански» настроенным Штюмером была воспринята союзниками и либеральной оппозицией в России как знак усиления германофильских влияний в верхах и поисков сепаратного соглашения с Германией. Кризис доверия в отношениях между союзниками получил новый мощный импульс.

Изменения в верхах с одобрением были восприняты правыми группировками, противниками Антанты, и послужили сигналом к их активизации. Особенно частыми антианглийские выступления правых стали с лета 1916 г. Появилось немало статей и памфлетов, направленных против Британии, причем в иностранной прессе утверждалось, что многие русские цензоры потворствовали антианглийской кампании правых⁶⁶. Широкий резонанс получили статьи журнала «Российский гражданин», издававшегося П. Ф. Булацелем. По поводу отставки С. Д. Сазонова в журнале говорилось: «При г. Сазонове вмешательство иностранцев в наши русские дела достигло огромных размеров. Зачем все эти жертвы, испытания, если в замене тяжелого германского порабощения России хотят преподнести более тяжелое английское порабощение?»⁶⁷. В рубрике «Дневник» названного журнала, автором которой был сам П. Ф. Булацель, постоянно осуждалось англофильство, говорилось об угрозе превращения России в английскую колонию, делались намеки на наибольшую заинтересованность Великобритании в войне, представляющей «всех тех международных поставщиков и банкиров, которые на великое самоистребление христианских народов смотрят как на большое коммерческое предприятие, дающее возможность за один год войны нажить “комиссионерством” миллиарды рублей»⁶⁸.

Настоящий дипломатический конфликт возник, когда Булацель летом 1916 г. в одной из публикаций заявил, что английская армия за все время войны продвинулась «на несколько сот метров»⁶⁹. Поводом для такого заявления стала речь английского премьера Асквита о необходимости международного трибунала над Вильгельмом, оскорбившая монархические чувства Булацеля. Ссылаясь на английскую историю, Булацель обосновывал «мстительность» «просвещенных мореплавателей», а

⁶⁶ Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 275.

⁶⁷ Российский гражданин. 1916. № 28. 17 июля. С. 14.

⁶⁸ Там же. С. 12–13.

⁶⁹ Там же. № 29. 31 июля. С. 14.

германцев называл не иначе? как «наши упорные, храбрые и сильные враги»⁷⁰. Налицо была не только предвзятость, но и определенная позиция автора в отношении войны: он выступал против войны «до бесконечности» (читай «до победного конца») и был за войну до заключения с Германией «выгодного и почетного мира»⁷¹. Англофобия Булацеля, постоянно транслировавшего антианглийские стереопиты и убеждения вкупе с националистическими и антилиберальными установками, стимулировала и выражала существовавшие в обществе подобные настроения. Журналист упоминал в своем дневнике о письмах поддержки, получаемых от разных людей, а один из его корреспондентов-единомышленников удостоился даже публикации собственной статьи – правда, на неполитическую тему⁷².

Несмотря на развитие кризиса доверия в отношениях с союзниками в 1915–1916 гг., осенью 1916 г. и зимой 1916–1917 гг. в отношениях с ними произошел позитивный сдвиг, обусловленный целым рядом факторов. Среди них следует отметить поражение «германофилов» в русских правительственных верхах, урегулирование финансовых проблем с Великобританией, публикацию в ноябре 1916 г. заявления союзников об окончательном признании за Россией прав на Константинополь и проливы⁷³. Отставка Б. В. Штюмерера и назначение на пост председателя Совета министров А. Ф. Трепова, а на пост министра иностранных дел Н. Н. Покровского, публичное осуждение германофильства в речах целого ряда депутатов в ходе заседаний пятой сессии Государственной думы в ноябре – декабре 1916 г., кампания против «темных сил» и германских влияний в прессе – все это можно рассматривать как свидетельство укрепления приверженности идеям союзнической солидарности политически влиятельных кругов русского общества. Можно говорить и об усилении проанглийских настроений накануне Февральской революции. Об этом свидетельствовал Дж. Бьюкенен в телеграмме министру иностранных дел Великобритании от 18 февраля 1917 г.: «Хотя на нас иногда производятся нападки в реакционной уличной прессе, однако антибри-

⁷⁰ Российский гражданин. № 29. 31 июля. С. 14.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Там же. № 33. 18 сент. С. 14.

⁷³ Правда, преувеличивать влияние последнего фактора на отношение к союзникам в широких слоях населения нельзя.

танская кампания умерла, и англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время»⁷⁴.

Таким образом, развитие ситуации на фронтах и во внутривнутриполитической сфере определило общий вектор эволюции образов союзников в 1914 – начале 1917 г. Если в 1914 г. доминирующим основанием общественных представлений было сознание общего дела, то в 1915–1916 гг. поражения на фронте, жертвы и потери стали рассматриваться как результат бездействия союзников, нарушения ими требований союзнической солидарности. Это определило коррозию представлений о благородстве союзников, породило кризис доверия в отношениях с ними. Он затронул прежде всего армию, сильнее всего страдавшую от недостаточного учета интересов России и неоднократно использовавшуюся для спасения союзников в ущерб собственным интересам, а также правоконсервативную часть политической элиты, общественных деятелей, традиционно исповедовавших англофобию. Постепенно, по мере усталости от войны, в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению корыстных союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей.

Убежденные сторонники Тройственного согласия, начиная с императора, представителей высшей бюрократии, правительства, большей части Государственной думы и заканчивая умеренными социалистами, несмотря на все трудности и проблемы сотрудничества, не изменили своего отношения к союзникам, считая необходимым вести войну до победы в составе Антанты. Этим было обусловлено усиление пропаганды ее идеологии и трансляция позитивного образа союзников в печати, с трибун Государственной и городских дум, в общественных организациях, межличностной коммуникации. В то же время в просвещенной среде образ союзников был дифференцированным, зависел от мировоззренческих и политических ориентаций, личного опыта взаимодействия с другой культурой и ее носителями, выражался в аргументированных мнениях и суждениях по широкому кругу вопросов коалиционного сотрудничества.

⁷⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 189.